

ПАМЯТИ
Бориса Эммануиловича
КУНИНА
(06.09.1936 — 17.08.2013)

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОЮЗ БИБЛИОФИЛОВ
КЛУБ «БИБЛИОФИЛЬСКИЙ УЛЕЙ»

ПАМЯТИ
Бориса Эммануиловича
КУНИНА

(06.09.1936 — 17.08.2013)

МОСКВА
2013

ФРАГМЕНТЫ ПОСЛЕДНЕГО ИНТЕРВЬЮ Б.Э. КУНИНА

Про книги. Журнал библиофила. —
2013. — № 1. — С. 92–99

«Библиотеку я начал собирать с нуля в начале 1960-х годов. Жизнь сама определила ее состав и структуру. Но я никогда не следовал библиофильской моде, не использовал книгу как источник заработка, чтобы сделать «гешефт».<...>

За «жемчужинами» никогда не гнался. Зачем в своей библиотеке иметь «Царскую охоту»? Кому нужна шкура убитого зверя? Но есть несколько книг, которые я перечитываю в скверные периоды своей жизни. Это в первую очередь уже упомянутые мною мемуары и театральные портреты А.Р. Кугеля. Все индивидуально. А «жемчужины» и даже «бриллианты» оставим женщинам и книжным гурманам. Наверное, это кому-то доставляет радость, и такие библиотеки не нужно осуждать. Кто-то испытывает восторг от «жемчужин» своей библиотеки, а кто-то радуется содержанию книги больше, чем переплету и украшениям. У каждого своя радость и своя гордость. И не будем никого осуждать.<...>

Стал чаще делать выставки, чаще раздавать книги небольшим библиотекам. Неумолимо пришло время разбрасывать камни. Я хорошо понимаю, что библиотека, как и человек, имеет свой конечный срок. Если у вас нет заинтересованных продолжателей книжного собирательства, лучше при жизни задуматься о судьбе уже сделанного. Не надо оставлять библиотеку равнодушным людям. Книги не заслужили того, чтобы валяться где-то на задворках. Так бывает: уходит человек, а его верный, но беспомощный спутник книга продолжает жить у другого хозяина. Часто госу-

дарственным библиотекам книги не нужны. Остается раздавать их своим друзьям, родственникам. Стараюсь угадать, кто книгу не обидит. А то, что мои дети и внуки не захотели продолжать собирательскую деятельность отца и деда, вина моя, да и время было другое. <...>

Я никогда не зарабатывал на книгах. Для меня книга имела не только внешнюю оболочку, но и внутреннее содержание. А на душе не хочется зарабатывать. Последнее звучит высокопарно, но такие странноватые книжники могут тоже попадаться».

Яков Бердичевский

ЭКСЛИБРИСНЫЕ ТРУДЫ

Наши с Куниным библиофильские пути-дороги никогда не пересекались, а вот экслибрисные сумели объединить. Его задумка воссоздать — пусть и в миниатюре — Московский клуб экслибрисистов (МКЭ) была не просто привлекательной — захватывающей. Энергия Бориса Эммануиловича в сочетании с «экслибрисной эрудицией» обещали дать обильные плоды. Он предложил проект Устава Московского общества экслибрисистов (МОЭ) — преемника МКЭ, с которым нельзя было не согласиться. Надежда была, в первую очередь, на собирателей и исследователей книжного знака, которых, на поверку просто не оказалось не только в Москве и в Питере, но и во всей России.

Если в Москве действовали еще полдесятка, то в Питере только один, как и во всей России — тоже один. Аналогичная картина и в иных регионах бывшего Союза: на Украине два-три, в Беларуси так же, Кавказ с Закавказьем, государства Средней

Азии — ни одного, даже традиционно-экслибрисная Прибалтика обмелела до неузнаваемости. Все же Кунин расширил свое Общество за счет одного украинца и двух новоявленных германцев.

Имея уже определенный опыт «экслибрисного самиздата», Кунин решил организовать серийный выпуск папок книжных знаков малоизвестных и забытых мастеров этого жанра, а также посвятить несколько изданий книжным знакам крупнейших библиофилов и экслибрисистов прошлого. Идея оказалась плодотворной и заманчивой, ее поддержали все члены МОЭ.

Всего Борис Эммануилович издал 33 папки, тираж каждой из них составлял всего 14 экземпляров. Тираж был определен не только по числу членов МОЭ, но учитывал еще несколько экземпляров для передачи в крупнейшие книгохранилища страны, в фондах которых хранятся известные экслибрисные коллекции — РГБ, РНБ, библиотека им. Н.А. Некрасова.

При всей кажущейся незначительности этого предприятия, оно, несомненно, внесло свою весьма немалую лепту в экслибрисоведение. Иллюстративный материал, монтируемый на паспарту «с окошечками» всегда сопровождался краткой биографической справкой и в подавляющем большинстве случаев полным списком экслибрисов рассматриваемого автора.

Так впервые, можно сказать, открыты К.А. Клементьева, А.В. Крейчик, Ю.П. Великанов, А.Н. Савинов, Е.Ф. Клемм, С.М. Шор и др. Конечно же, основной груз лег на плечи самого Бориса Эммануиловича — ему нужно было отыскать и отсканировать книжные знаки, отсутствующие в собраниях членов МОЭ. Уверен, что эти папки серьезно пополнили копилку истории отечественного книжного знака.

В коллекции книжных знаков Кунин особое предпочтение отдавал работам А.И. Юпатова, которые им собраны in colora со всеми вариантами цвета печати, фоновых подкладок, форма-

тов, бумаг и проч. Мне думается, что юпатовская коллекция Кунина — единственная в стране по полноте и качеству экземпляров.

Борис Эммануилович был постоянно увлекающимся человеком. Помню, с каким упорством он подбирал все варианты книжных знаков И.Ф. Рерберга, что ему, кстати, тоже удалось. К сожалению, немало идей так и не воплотились в жизнь, но живет в Москве по крайней мере один им выпестованный ученик и нам остается уповать на то, что он продолжит дело своего первого наставника. Но, вспоминая экслибрисные труды Бориса Эммануиловича, нельзя пройти мимо него, как друга, как человека.

Меня судьба не баловала встречами с ним — наше общение ограничивалось лишь телефоном и, слава Богу, скайпом, когда можно посмотреть в глаза друг другу. Он был раскрыт и доброжелателен, умел радоваться чужим радостям и делить чужие горести, он помогал пережить беды и лихости нашей жизни, в нем всегда ощущалось плечо искреннего друга и это, в конце концов, самое важное в человеке, куда как важнее экслибрисных коллекций и затей.

ЛЕОНАРД ЧЕРТКОВ

РЫЦАРЬ СТРАНЫ «БИБЛИОФИЛИЯ»

17 августа 2013 года в 9 часов вечера ушел из жизни Борис Эммануилович Кунин — член-учредитель Национального союза библиофилов и активный участник заседаний «Улья» — клуба при НСБ. В течение последних 35 лет Борис Эммануилович был непременным участником всех библиофильских начинаний Москвы и Рос-

сии, являясь членом многих библиофильских клубов и обществ, в том числе Клуба при ЦДРИ, Московского клуба библиофилов, Всероссийской ассоциации библиофилов — Организации российских библиофилов, Библиофильского клуба при Музее экслибриса на Пушечной. Борис Эммануилович явился инициатором создания Творческой группы ДНК (Дмитренко, Никольская, Кунин), заражая творческой энергией художников Ирину Дмитренко и Светлану Никольскую. В результате этого союза родилась целая библиотека очаровательных библиофильских творений, завоевавших признание и благодарность у современников.

Борис Эммануилович был горячим поклонником театра. Он помогал Щукинскому театральному училищу, оказывал сильную, основанную на энтузиазме, помощь в ремонте здания училища (он работал в строительно-монтажном управлении). В библиофильстве эта любовь выразилась в коллекционировании материалов о театре и, в первую очередь, о Московском камерном театре А.Я. Таирова. Борису Эммануиловичу удалось собрать неповторимую коллекцию об истории театра, его актерах и постановках. По театральной теме им неоднократно устраивались выставки, а в Московском клубе и в Клубе на Пушечной прочитаны незабываемые доклады, проникнутые любовью и горечью в связи с трагической судьбой театра.

В последнее время Борис Эммануилович отдавал все силы экслибрисоведению, организовав совместно с Я.И. Бердичевским издательство при Московском обществе экслибрисистов (также основанное Б.Э. Куниным). Он называл его своей «лебединой песней». В итоге вышли 33 тщательно выверенных и с любовью сделанных папочки с работами известных и забытых художников.

Борис Эммануилович Кунин останется в нашей памяти Верным Рыцарем страны «Библиофилия» и образцом служения ей.

ЛЕВ МНУХИН

СЛОВА БЛАГОДАРНОСТИ

Знакомство мое с Борисом Эммануиловичем состоялось во время одного из заседаний библиофилов в Сытинской квартире на Тверской. Правда, он как-то напомнил мне, что впервые услышал мою фамилию, когда меня по представлению А.Ф. Иваненко принимали в члены Клуба книголюбов при ЦДРИ (1970-е годы). Я же этот момент помнил очень смутно. А вот рассказ Бориса Эммануиловича на заседании московских библиофилов о своем собрании, посвященном истории Камерного театра, мне запомнился хорошо. Поразила глубина подхода к собирательству по одной теме, полнота и уникальность коллекции и, что было, наверное, самым впечатляющим, — рассказ о собрании с демонстрацией раритетов. После доклада я спросил его об актрисе Камерного театра Вере Эфрон, невестке Марины Цветаевой. Он ответил, что это имя ему встречалось в дореволюционных программках театра. Однако в тот раз наше знакомство развития не получило. Не совпадали у нас библиофильские интересы, к тому же я плохо знал старую книгу, не увлекался экслибрисами. Лишь много позже выяснилось, что это не совсем так. Была, как минимум, одна общая тема, причем, весьма обширная: русская поэзия от начала 1900-х до 1960-х годов. Десятки тоненьких поэтических сборников хранились на наших полках, и полагаю, что по содержанию эти полки мало отличались друг от друга. Помню, как гуляя по Твери во время конференции мы заговорили об этом. «А у тебя Шкапская была?» — «Да, все ее сборники». — «А Любовь Копылова, Анна Радлова, Ада Чумаченко?» — «Да, конечно»....И вплоть до поэтов 1960-х годов. Эрудиция Бориса Эммануиловича просто поражала.

Начало наших добрых отношений, я бы сказал дружбы, было положено три года назад, незадолго до поездки в Тверь. Могу

Борис Кунин и Лев Мнухин.
Заседание клуба «Библиофильский улей»
(«Книжный винегрет»). 9 июля 2011 г.

даже точно назвать дату и место. 22 октября 2010 года в Литературном музее на учредительном собрании Национального союза библиофилов. Мы сидели рядом, рассказывали каждый о себе, говорили о библиофильстве, библиофилах... И на всех последующих встречах и заседаниях уже не расставались.

Очень интересны были его рассказы, сопровождавшие совместные поездки домой после очередных заседаний на Тишинке (ехали по одной ветке метро). Никогда о политике, очень

мало о доме и быте, изредка о футболе (он был заядлым болельщиком «Спартака»), зато бесконечно о своем, о сокровенном: о собирательстве и всем, что с ним связано. Слушая красочные воспоминания Бориса Эммануиловича о его прошлых походах по букинистическим магазинам, о букинистах, о находках, о библиофильских «жемчужинах», складывалось впечатление, что им собраны едва ли не все книжные редкости, настолько живо он их описывал. Мы говорили о судьбах наших собраний, и я благодарен ему за то, что он укрепил меня во многих моих решениях.

Я благодарен ему за то, что он однажды показал мне работы Ирины Дмитренко, в которые я влюбился с первого взгляда, а потом и свел меня с самим художником. Так, с его легкой руки, я стал счастливым обладателем нескольких прекрасных рукописных книг Ирины Алексеевны, в том числе посвященных Марине Цветаевой и Николаю Гумилеву (последняя с символическим названием «Память»).

Я благодарен Борису Эммануиловичу за то, что каждая наша встреча надолго оставляла меня в хорошем настроении. Сидим в клубе. Борис Эммануилович задорно: «Лева, одолжи свои пять минут. Я сейчас скажу такое... Ты увидишь, это почти детектив». И далее увлекательный рассказ о том, как во время ремонта квартиры была найдена уникальная ранняя запись группы «Битлз». Или звонок накануне очередной библиофильской встречи. Спокойным голосом: «Завтра придешь?» — «Да, собираюсь». — Голосом заговорщика: «Не пожалеешь, я расскажу такое...» Речь шла о заседании, посвященном Демьяну Бедному, которого Борису Эммануиловичу довелось видеть (невероятно!) воочию. И вот «такое» он с азартом готовил ко многим заседаниям. Без улыбки в этих случаях обойтись было никак нельзя.

Когда Борис Эммануилович узнал, что я в конце июля ложусь на операцию, пообещал: «Скажи число, я пойду в этот день в си-

нагогу и буду за тебя молиться». А когда узнал, что операция прошла нормально, порадовался: «Не зря молился».

Я бесконечно благодарен судьбе, что последние годы мне было даровано общение с Борисом Эммануиловичем, человеком высочайшей культуры, неизбывной доброты и удивительного обаяния. Таким он и останется в моей памяти.

Юрий Ростовцев

ЗАМЕТКИ К ВОСПОМИНАНИЯМ О БОРИСЕ КУНИНЕ

Ошеломляющее известие о кончине Б.Э. Кунина... Такие трагические потери заставляют глубже ощутить ценность и хрупкость обитания в библиофильском пространстве.

Наш Книгоград еще только формируется и обживается, отношения устанавливаются. Далек не каждый нашел коллег по интересам. И вот теперь такой шанс еще уменьшился.

В этих заметках, сырых и порой жестких, но продиктованных любовью и уважением к моему старшему товарищу, я пытаюсь напомнить всем нам, каким он был — Борис Эммануилович Кунин.

Нельзя сказать, что Б.Э. был душой компании, но он сразу стал одним из нервных центров нашего библиофильского сообщества. Служение книге он считал «делом»; всем, относящемуся к книге, он делился с нами со страстью неравнодушного человека. И в этом его пафосе, пожалуй, первая точка наших личных расхождений. Воспринимая библиофильскую страсть только как некую забаву, я часто не попадал с ним в одно настроение.

Тем более что очередная книжная история подавалась им не только глубоко заинтересованно, но убежденно, даже яростно. Это была истина в последней инстанции. Свои соображения он защищал уже в момент высказывания, как бы предупреждая встречное, иное движение мысли. При этом говорил тихим голосом, с чуть сладковатой интонацией, которая вроде не вязалась ни с пафосом, ни тем более с конфронтацией. Так же резко он относился к суждениям своих коллег, когда кто-то из нас бывал дипломатичен, нейтрален, сух.

Его собственный путь в библиофильство, пожалуй, не назовешь прямым и вполне успешным. Он разделил общее заблуждение книжников середины XX века, создававших одинаковые «интеллигентские» библиотеки.

На долгое время он застрял в пределах обыденного книгособирания, ограничивавшегося собраниями сочинений классиков и приключенцев, БВА и Библиотекой поэта. Перлами таких коллекций оказывались книги по искусству — в основном польского, чешского и немецкого производства — или, в лучшем случае, швейцарского издательства «Скира». Вот за ними, книжками «Скиры», Борис Кунин и охотился в походах по столичным букинистическим магазинам.

Экслибрис Б.Э. Кунина
работы Ирины Дмитренко

— А теперь что же, — с грустью как-то отозвался он на свое прежнее увлечение. — Теперь они устарели и никому не интересны.

Впрочем, 60-е и 70-е годы были и театральными. Б.Э. заинтересовался, а затем и увлекся историей отечественного театра, и особенно глубоко и предметно драматичной судьбой Камерного театра Александра Таирова. По этой тематике он и стал собирать свою первую библиофильскую коллекцию.

Еще спустя годы он увлекся книжной графикой и творчеством рижского художника Алексея Юпатова.

По его косвенным суждениям можно было понять, что он не был ограничен в средствах, однако некая внутренняя осторожность удерживала его от дерзких покупок. Но ведь в погоне за редким изданием нельзя останавливаться, нельзя бояться переплатить. И тут, конечно же, верный путь к последующим трагическим переживаниям.

К сожалению, у Б.Э. не было таких редкостей, которыми можно было бы козырнуть. Этот безусловный недостаток он принимал и часто на него досадовал, восклицая:

— Видел, в руках держал... А вот не купил. И деньги были. Но вот не решился потратить.

Или в другой раз:

— Что мне стоило купить билет за 12 рублей и отправиться в Ригу, чтобы увидеть, поговорить, посмотреть, как работает художник, которого собираю и боготворю. А вот не собрался, не поехал...

Эта осторожность в тратах удержала его от библиофильских безумств, но и лишила обладания подлинными книжными сокровищами.

Он был умный и трезвый человек. Он понимал эту свою ошибку 70-х годов, когда все стоило по сегодняшним меркам ко-

пейки. Он по-настоящему страдал из-за этого собирательского диагноза: без безумных трат нет настоящего библиофила.

Некоторое утешение он нашел в постоянной работе с книгой, в знании книги и в ее изучении.

Лет десять-двенадцать назад в разгар увлечения творчеством Алексея Юпатова наш друг Борис Кунин убедил крупного московского коллекционера отечественной графики В.Д. Перкина на базе его коллекции подготовить и выпустить в свет каталог лучших работ рижского мастера.

Совместный труд увенчался успехом. Их каталог «100 книжных знаков художника А.И. Юпатова», вышедший двумя выпусками в 2003 году, и сегодня является отличным справочником и пособием для всех, кто интересуется экслибрисом. Пожалуй, этот труд — одна из главных вех в наследии Бориса Эммануиловича. А для меня эти две книжечки — и память, и вдохновляющее подспорье в юпатовских штудиях.

Нашим совместным счастливым событием стала дружба с белорусским библиофилом Александром Шелиповым, и открытие в нем — поэта. Не раз и не два мы с Борисом Эммануиловичем смаковали каждую строчку «Венка сонетов». Произведение Александра Шелипова является для меня несомненным шедевром библиофильской культуры. Такого же мнения придерживался и Б.Э. Кунин.

И благодаря нашей увлеченности текстом — «Венок сонетов» дважды обсуждался на заседаниях Московского кружка библиофилов при Музее экслибриса. Причем, первый раз даже без участия автора. По рукописи, принесенной Б.Э. Куниным, поэтический текст прекрасно прочитал перед собравшимися Борис Хайкин.

А спустя несколько месяцев на заседание кружка Кунин привел и самого автора, которого пригласил из Гомеля, приютив у себя дома...

На этот раз мы услышали «Венок сонетов» в авторском исполнении, причем в стенах музея, созданного Владимиром Васильевичем Лобуревым, которому посвящено произведение Шелипова.

Эстетическая радость, которую испытывал Кунин при авторском прочтении поэтического цикла, можно отнести также к сильнейшим впечатлениям от общения с самим Куниным.

Наше восторженное мнение разделил — не без ревности — и библиофил и поэт Вилли Александрович Петрицкий. Он опубликовал поэтический цикл Александра Шелипова в «Невском библиофиле» за 2011 год.

Эпизод с «Венком сонетов» вовсе не отвлекает меня от образа Бориса Кунина, человека открытого и доброжелательного. Ведь безо всяких еще стихов к нему в дом приезжал из Белоруссии любитель книги и экслибриса, которого щедрый хозяин одаривал и кровом, и знаниями, и необходимой литературой. Не исключаю, что и увлечение творчеством кудесника экслибриса Алексея Юпатова привил Александру именно он, Борис Кунин.

Многие дубли экслибрисов из коллекции старого библиофила перетекли в собрание А.А. Шелипова. Борис Эммануилович постоянно снабжал коллекционным материалом молодых друзей, особенно лишенных столичных возможностей. Вспоминается эпизод с одним начинающим экслибрисистом из небольшого уральского городка, который каким-то путем узнал адрес Кунина и рассказал ему в письме о своих горестях собирателя. В ответ юный коллега из провинции получил целую бандероль со сборниками исследований книжного знака и дубликатами экслибри-

сов из личной коллекции столичного знатока графики.

С той же степенью искренности, азарта, торжества Борис Эммануилович всегда говорил о рисунках Ирины Дмитренко. Можно даже сказать, что дружба коллекционера и рисовальщицы стала последним и самым ярким свидетельством

его любви к книге, творчеству, книжной графике. Именно из ощущения сопричастности к работе художника проистекала его требовательность, и даже капризность в отношениях, и — естественно — чувство собственности, почти ревность.

Он восхищался Ириной и гордился. В этом перманентном открытии новых работ Ирины Дмитренко, которые он показывал на заседаниях Московского библиофильского кружка, было много юношеского задора и максимализма и, конечно же, нежности, искреннего удивления, восторга. При этом находящаяся здесь же, в нашем кругу Ирина, всеми нами почитаемая художница, оставалась как бы за кадром этого священнодействия коллекционера.

Кстати сказать, эта гордость первооткрывателя — довольно характерная черта истинного собирателя. Правда, не всякому из нас достается право на открытие таланта. На моей памяти подобное восторженное отношение к совсем еще начинающему, но самобытному мастеру графики пережил Соломон Вуль. Он стал страстным поклонником и пропагандистом художественного дара Елены Антимоновой. Смаковал в кругу единомышленников каждую ее новую работу. И этот восторг помогал

Экслибрис Б.Э. Кунина
работы Ирины Дмитренко

талантливой рижанке на ее непростом пути поиска и самоосуществления.

К сожалению, мой интерес в экслибрисе ограничен только творчеством А.И. Юпатова и Д.И. Митрохина. Именно поэтому я оказался в стороне от последнего проекта Бориса Эммануиловича — создания и творчески-издательской деятельности МОЭ (Московского общества экслибрисистов). Впрочем, у Кунина сложилось блестящее творческое содружество с нашим коллегой Павлом Петровичем Медведевым. Совместными усилиями им удалось выпустить три десятка изящных монографических папок, посвященных мастерам графики 30–40-х годов.

ПриСтрастность моего старшего друга своеобразно проявилась и на этот раз. Зная мое негативное отношение к массовому экслибрису и тем более озвученное в непрекращающихся спорах на заседаниях нашего кружка в стенах Музея экслибриса, он лишил меня права оказаться в числе тех 14-ти счастливчиков, кто мог бы претендовать на обладание продукцией МОЭ.

При этом о каждом новом выпуске он непременно сообщал мне в очередном телефонном разговоре, а при встречах и показывал — поддразнивая и вызывая чувство зависти, — и приговаривая:

— Смотреть эти папочки только в моих руках!..

Самое же грустное и вместе с тем радостное, удивительное состоит в том, что в нынешнем апреле — перед самым его отъездом на Пасху в Израиль — он назначил мне встречу в метро и принес одну из папок МОЭ в подарок. Он знал мои предпочтения, и эта папка 2011 года посвящена книжным знакам Дмитрия Митрохина. Посидели, поговорили и расстались.

Вот так — непублично — мы встретились с ним и посидели в последний раз.

Ирина Дмитренко, Светлана Никольская

ДОРОГОЙ НАШ ЧЕЛОВЕК

Мы познакомились с Борисом Эммануиловичем в 2001 году в Музее экслибриса Международного союза книголюбов, куда он приходил на заседания Московского клуба любителей миниатюрных книг. Покупал новинки, разговаривал с членами клуба и уходил.

В том же году появились наши первые рукописные издания. Борис Эммануилович обратил на них внимание, стал приобретать, включился в работу по их созданию, помогал с выбором тем, познакомил нас с еврейской культурой, литературой и языком. Он помогал нам и с организацией выставок в Москве и за рубежом. Благодаря его доброжелательным советам, заботе и знаниям многие из наших идей воплотились в жизнь. Он стал нашим идейным вдохновителем.

Борис Эммануилович был блестящим рассказчиком, с большим чувством юмора, мог часами говорить о своей книжной коллекции, которую собирал на протяжении всей жизни, рассказывать библиофильские анекдоты... Несколько раз мы присутствовали на его лекциях о театре А.Я. Таирова. Но он не только умел рассказывать, он еще и прекрасно писал. В 2010 году с коллективом единомышленников Б.Э. Кунин начал издавать малотиражные художественные папки с экслибрисами малоизвестных и «забытых» художников первой половины XX века.

Он ходил, искал необходимые материалы в библиотеках, писал о художниках, старался ничего не упустить, торопился сделать как можно больше. Очень переживал, если не мог найти нужную информацию о художнике. Конечно, это стоило ему многих физических и душевных сил, но в этом была его жизнь. За короткое время

вышло 33 папки. Какую радость они ему доставляли! Борис Эммануилович так гордился, что они находятся в отделе изобразительных изданий Российской государственной библиотеки. Про это свое последнее увлечение он говорил — «моя лебединая песня».

Б.Э. Кунин был Библиофилом с большой буквы, он понимал и ценил книгу, поэтому его мнение как собирателя мы очень ценили. Но в первую очередь для нас он стал другом. К нему всегда можно было обратиться за советом, он никогда не отказывал в поддержке. Если что-то не складывалось в творчестве или просто случались неприятности, после разговора с ним проблемы становились разрешимыми, а неудачи мелкими. Он звонил на следующий день и, услышав, что все наладилось, радостно восклицал: «Жизнь продолжается!» И она продолжалась. Общение с ним обогатило нашу жизнь. Он открыл нам прекрасный мир библиофильства.

Мы благодарны судьбе за то, что она свела нас с таким удивительным человеком. Мы благодарны ему за все, что он для нас сделал. Мы всегда будем помнить его таким, каким он был с нами.

ВСПОМИНАЕТ ИРИНА ДМИТРЕНКО

Наше общение с Борисом Эммануиловичем в основном проходило по телефону. Он старался звонить всегда в одно и то же время и где-то в середине разговора спрашивал: «Ну, какие еще планы?» Это касалось либо новой книги, либо серии графических работ. Он щедро делился своими знаниями по интересующей меня теме, подбирал необходимый материал, старался ничего не упустить. Но он не только давал мне необходимую информацию, его вдохновлял сам творческий процесс.

Было очень весело, Борис Эммануилович вел разговор с передаваемой интеллигентной интонацией, присущей только

ему. Иногда даже не надо было продолжать фразу, мы понимали друг друга с полуслова. Удачно пошутив, после небольшой паузы, он говорил: «Опять этот дурацкий смех!» — Говорил он с удовольствием, потому что именно этого и добивался. Неслучайно в молодости Борис Эммануилович участвовал в КВН. Он моментально реагировал на любое слово. Очень жалел, что наши разговоры не записываются.

Памяти Б.Э. Кунина.
Рисунок И. Дмитренко. 27 августа 2013 г.

За день раздавалось столько звонков, что иногда я даже не успевала дойти до рабочего стола. Поделившись очередной мыслью, он говорил: «Ну, все, больше не буду тебя беспокоить до конца недели. Трудись!» Но буквально через час опять звонил телефон, и разговор начинался заново.

Борис Эммануилович никогда ни на чем не настаивал. Но тот оптимизм, которым он заряжал, для работы был необходим. Как правило, параллельно обсуждалось еще множество планов. Но это, по его выражению, «тема нашей докторской диссертации».

Он был очень нетерпеливым, ему хотелось побыстрее увидеть готовую работу, поэтому мне с трудом давались экземпляры, которые я делала специально для него. У меня никогда не получалось все с первого раза: то ошибусь, то кляксу посажу. Так, в азартном нетерпении, с искрометным юмором Бориса Эммануиловича, с помощью его умных и дельных советов рождалась книга. Когда

Передняя крышка переплета и иллюстрация из авторской книги И. Дмитренко
«Триумф и трагедия театра Таурова» (М., 2003)

все было готово, мы еще раз созванивались и встречались на станции метро Кузнецкий мост и шли на нашу скамейку в начале перрона, подальше от людей. Там он впервые видел то, что много раз обсуждалось по телефону, и тут надо было просто смотреть за его реакцией. Каждая страница, каждый разворот рассматривался очень долго. Смешной сюжет он обыгрывал, как в «Театре мимики и жеста». Борис Эммануилович был деланно серьезен, а я смеялась, и мы оба получали необыкновенное удовольствие. Теперь мне остается только вспоминать эти встречи. Станция метро, кругом суета, все куда-то спешат, а мы сидим в стороне от всех, в своем «маленьком мире», библиофил и художник. Это были самые счастливые моменты жизни и прекрасный период с 2001 по 2013 годы.

* * *

Борис Эммануилович собрал уникальную коллекцию по Камерному театру. О нем он мог рассказывать бесконечно и всегда интересно (ведь он был блестящим рассказчиком). Однажды он спросил, хочу ли я сделать книжку по Камерному театру. Конечно, я согласилась. Мы пошли на Тверской бульвар, сели на лавоч-

ку напротив Театра им. Пушкина, и Борис Эммануилович начал рассказывать. Он вспоминал о том, как ходил на спектакли, какие актеры играли, рассказывал о своих впечатлениях. Потом я прочла о режиссере А.Я. Таирове, трагической судьбе его и жены, актрисе Камерного театра А.Г. Коонен. Борис Эммануилович дал мне все необходимые материалы, фото, показал программки, афиши... Текст он написал сам, придумал название. Мне оставалось только собрать все воедино и сделать иллюстрации. Книга делалась долго, девять месяцев: тема была непростая, я окунулась в совершенно незнакомый мир. Но я очень благодарна судьбе за возможность услышать рассказы человека — свидетеля «триумфа и трагедии Театра Таирова» — одноименная миниатюрная книжка вышла в 2003 году. В ней я постаралась воплотить замысел Бориса Эммануиловича в меру своих сил и возможностей. Это — единственная моя книга, в которой самое непосредственное участие принимал Борис Эммануилович Кунин. Она сблизила нас на долгие годы. Память о Борисе Эммануиловиче вечно будет в моем сердце.

РАССКАЗЫВАЕТ СВЕТЛАНА НИКОЛЬСКАЯ

В 2002 году я написала портрет Бориса Эммануиловича Кунина маслом на холсте (70×50). Кунин сидит с книгой, очень сосредоточенный, в зеленом (зеленый — его любимый цвет, он рассказывал, что в молодости носил все зеленое, и над ним смеялись — мол, одет, как попугай, а ему нравилось). На живописном портрете он тоже в зеленом, в белой кипе, с книгой, на красном фоне (красный — мой любимый цвет в живописи — цвет жизни). Этот портрет ему очень понравился. Сначала он висел какое-то время в моей комнате, пока не высохла краска. Вечером, когда выключался свет, портрет почему-то светился. Потом я отдала его

Кунину. Но на этом история не закончилась. Портрет неоднократно выставлялся на художественных выставках в Народной галерее, в Международном художественном фонде. Мне, а особенно Б.Э. Кунину, очень хотелось, чтобы картину воспроизвели в каталоге или в каком-нибудь художественном журнале. Но все никак не получалось. И вдруг этим летом мне позвонили из редакции журнала «Русская галерея — XXI век» и попросили прислать фотографии работ. Мечта Бориса Эммануиловича сбылась. Августовский, четвертый, номер журнала вышел из печати. Но, к сожалению, его не увидел Б.Э. Кунин, хотя успел узнать о том, что его портрет будет напечатан в журнале.

Кунин — библиофил. Портрет работы
С.Н. Никольской. 2002